

ИНТЕРВЬЮ КУРТА ЭЙССЛЕРА
С ДОРОЙ ФОН БРЮККЕ

27 августа 1953 года

Брюкке: Аналитик, не так ли?!

Эйсслер: Вы совершенно правы, да!

Б: «Фрейд... Фрейд без чар»^[1].

Э: Да.

Б: У меня есть! Она у меня есть!

Э: Я видел ее в вашем книжном стеллаже.

Б: Вот! Я как раз сегодня его достала сверху!

Э: Вот как?!

Б: Ведь книги у меня наверху.

Э: Понятно!

Б: Они у меня наверху... (*неразборчиво*).

Э: Госпожа доктор...

Б: Значит, вы уже записываете? Запись уже идет?

Э: Да.

Б: Вот так, как я говорю с полным ртом? Тогда мне не надо больше...

Э: Ничего страшного! Абсолютно ничего!

Б: Я съем еще... (*неразборчиво*), хорошо?

Э: Не беспокойтесь, конечно! Госпожа доктор, вы лично знали Фрейда, не так ли?

Б: Да, пожалуйста, я сейчас это доем, и тогда это меня взбодрит, и тогда все!

Э: Может быть, мне закрыть окно? Иначе...

Б: У вас не получится!

Э: И все же!

Б: Ну вот, я не буду больше есть! Слава Богу! Я прошу, я хочу у вас кое-что спросить!

Э: Пожалуйста!

Б: Вы пишете книгу? Биографию? Или что-то еще?

Э: Нет, нет! Я абсолютно ничего не пишу! Мы просто хотим собрать, и все будет отпечатано и отправлено в Библиотеку Конгресса.

Б: Ах да! Вы мне об этом писали!

Э: А через 200 лет или через 100 лет...

Б: О! Ну, тогда нас уже не будет на свете! Да?!

Э: ...эти записи... чтобы, если кто-нибудь в будущем захочет написать биографию, он нашел этот материал.

Б: Это как с Францем Иосифом, да?!

Э: Но, Боже упаси, сейчас ничего не будет опубликовано, так что вы можете свободно говорить!

Б: У меня никогда не получается! Даже если это завтра напечатают!

Э: Нет, нет, мы же этого совсем не хотим!

Б: У вас есть сигареты? Пепельница у вас есть?

Э: Вы не хотите закурить?

Б: Я? Нет! Спасибо! Я сейчас буду говорить! (Смеется.) И еще пить чай! Могу я налить себе еще немного чаю?

Э: Пожалуйста! Конечно!

Б: Смотрите, я расскажу вам все, что вы хотите! Ах все же! Ах как интересно! Вы же писали в тот раз! Я забыла! Это отправится в Библиотеку Конгресса?

Э: Да!

Б: Ах вот как! Чтобы однажды кто-нибудь, все... что угодно! Это возможно! Не так ли?! Мне спокойнее, когда я знаю, что это не попадет в книгу. Знала ли я Фрейда лично? Боже мой, сейчас это все... Да, я знала Фрейда лично. Фрейд был... он дружил с моим отцом^[2]. Мой отец был уважаемым практикующим врачом в Вене, и Фрейд с еще одним, с профессором Кёнигштейном^[3], — вы его, наверное, не знаете — офтальмолог, они уже все, Бог знает, как давно, умерли, они играли в тарок каждую субботу.

Э: Как вас звали в девичестве?

Б: Телеки.

Э: И ваш отец был практикующим врачом в Вене?

Б: Очень уважаемым! Семейным врачом во многих домах!

Э: Да.

Б: Умер. Родился в 37-м году, знаете, это было давным-давно!

Э: Да.

Б: И Фрейд каждую третью субботу, мне кажется, приходил к нам играть в тарок.

Э: С Кёнигштейном?

Б: Кёнигштейн. Мне кажется, для игры в тарок нужно четыре или три игрока? Я не знаю! В тарок играли только в Австрии, да?!

Э: Да.

Б: Я не знаю! И Фрейд был очень красивым мужчиной, ему тогда было, я не помню, может быть, сорок, да? Когда Фрейд родился, в каком году?

Э: В 56-м.

Б: Ну да, и это было, подождите, сколько мне лет? Да, это было еще в 90-х годах или около того, да! Да! Он родился в 56-м? Значит, в 96-м ему было сорок. И это было примерно в 1900 году!

Э: Ясно, да!

Б: Тогда Фрейду было за сорок, да!

Э: Да!

Б: Но это было еще раньше! Нужно подумать! Да, в 90-х годах! Очень красивый мужчина! Стройный, высокий, с черной бородой! Очень мало говорил. Очень тихий.

Э: Вы были там, когда... во время игры в тарок?

Б: Да нет же! Они играли в ординаторской! Или, я думаю, потом они переходили в игровую, где были дети, вы знаете, там околачивались дети. ... *(неразборчиво)*.

Э: Вы знаете, как встретились ваш отец и Фрейд?

Б: Благодаря Кёнигштейну. Они были друзьями. Фрейд был из Моравии, да?

Э: Да! Кёнигштейн тоже!

Б: Я думала, это был друг молодости или коллега, или...

Э: Да.

Б: Коллега по гимназии или что-то в этом роде!^[4]

Э: А вы можете вспомнить, как ваш отец относился к Фрейду?

Б: Они все его очень, как это сказать, восхищались им как чем-то исключительным...

Э: Да?!

Б: ...но тогда над его теориями смеялись.

Э: Да.

Б: Все!

Э: Почему же тогда им восхищались?

Б: Ну, потому что он был так умен! И потому что он нечто совсем новое... и потом, потому что как человек он был абсолютно безукоризненным и благородным, и немного отстраненным.

Э: Это вы почувствовали, будучи ребенком?

Б: Ну... (*неразборчиво*), родители же говорили об этом за столом.

Э: Вы помните, чтобы рассказывали что-то специфическое?

Б: Все время о его, его, ну да, о его толковании сновидений, мне кажется, я думаю, уже тогда! Но тогда все смеялись!

Э: Да!

Б: Видите ли, я вам еще кое-что расскажу! Я была одной из первых слушательниц^[5] Фрейда! Это же намного интереснее, чем то, что я слышала в детской! Фрейд тогда читал в лекционном зале Краффт-Эбинга^[6], который тогда еще был в Вене, жил! Мне ведь уже очень много лет! Может быть, я выгляжу немного моложе, может быть, и нет. Но я же сказала, это все было ужасно давно! Тогда Краффт-Эбинг был еще... в его зале Фрейд, это было начало, это было в первые годы после 1900 года, понимаете?!

Э: Да.

Б: И тогда у Фрейда там каждую субботу были лекции. Но там было всего 8–10 слушателей.